

УДК 821.161.1

Дедова Л. М.

Московский государственный областной университет

ИТАЛИЯ В ЛИРИКЕ И. А. БУНИНА

L. Dedova

Moscow State Regional University

ITALY IN LYRIC POETRY OF I. BUNIN

Аннотация. Статья посвящена теме Италии в творчестве Ивана Бунина. Рассматриваются итальянские мотивы как в поздней, так и в ранней лирике поэта. Особое внимание уделяется поэзии 1916 года и стихотворениям 1930-х гг. Анализ стихотворений подчинён выявлению эстетической манеры поэта и прояснению мировоззрения Бунина. Ключевая мысль статьи состоит в доказательстве утверждения о том, что итальянские стихи Бунина воплощают понимание поэтом единства мировой культуры.

Ключевые слова: образ, поэтическое мировоззрение, культура, лирический герой, тональность, искусство, история.

Abstract. The paper is devoted to the theme of Italy in the works of Ivan Bunin. Italian motives are considered in the late and early lyric of the poet. The particular attention is paid to the poetry of 1916 and 1930s. The analysis of poems is focused on the identification of Bunin's aesthetic pattern and clarification of his world-view. The key thought of the article is that Bunin's Italian verses embody his understanding of the world culture's unity.

Keywords: image, a poetic world-view, culture, lyric character, tone, art, history.

Исходный пункт поэтического воплощения образа Италии – описание путешествий, начиная с впечатлений дневников и заканчивая «лирической метафористикой» [9, с. 33- 34].

Путешествия Ивана Бунина в Италию – в 1907, 1909-1914 гг. – стали важной частью его жизни и творчества. В письмах Бунина немало точных и восторженных заметок о неповторимом быте Италии, её архитектуре, истории, культуре. В марте 1909 г. он писал другу из Сицилии о посещении Палермо: «Городом я всё-таки доволен вполне, весь он крыт старой черепицей, капелла Палатина выше похвал, а про горы и море и говорить нечего» [2, с. 329]. Затем в том же письме о пребывании в Риме: «Рим мне очень нравится. Жара. Весело. Нынче слушали в соборе Петра грандиозное служение. Я был поражён» [2, с. 330]. В дневнике Бунина от 24.01.1914 г. записано: «Вчера из Неаполя ездили в Салерно. Удивительный собор. Пегий – белый и чёрно-сизый мрамор – совсем Дамаск. Потом в Амальфи. Ночевали в древнем монастырском здании – там теперь гостиница. Чудесная ночь. Необыкновенно хорошо» [8, 114]. Сокровенное узнавание Италии, открывающее саму «душу страны» – глубоко вошло в творческое воображение Бунина. «Всякое путешествие очень меняет человека... – считал Бунин. – Как нужно всё видеть самому, чтобы правильно всё представить себе» [2, с. 115].

Поэтическая Италия Бунина притягательна красотой мира, выражением особой, неповторимой жизни природы, в обаянии, мощи различных её проявлений – в стихотворениях «Мертвая зыбь» («Как в гору, шли мы в зыбь, в спящий блеск заката», 1909), «На Альпы к сумеркам нисходят облака» (1916), «Гор сиреневых кручи встают» (1920). Бунин – мастер пейзажной лирики, а в сочетании с итальянским колоритом его картины природы предстают по-настоящему живыми и притягательными. В стихотворениях «В горах» («Поэзия темна,

в словах невыразима»), «Кадила́ница», «Компас», «Капри», «Калабрийский пастух» через картины природы передаётся сокровенное: стремление высказать «любовь и радость Бытия», «обречённость» «познать тоску всех стран и всех времён» [4, с. 319].

В стихотворении «Кадила́ница» в образах заброшенного храма и потухшей кадила́ницы воплощены размышления поэта об утрате веры в сложное время первой мировой войны. Поэт напоминает о том, что вера должна жить в сердце, несмотря на лишения. По словам Ревякиной, «переживания Бунина-путешественника, пытливо всматривающегося в окружающее – людей, памятники культуры, облик городов, становятся в его поэтической картине Италии (хотя и фрагментарной) постижением сути просто земного, повседневного, но и великого в бытии человека, в жизни, исчезающей, уничтожаемой временем, и тем не менее вечной» [7, с. 433]. В этом ряду стихотворения «После Мессинского землетрясения», «Венеция», «Колизей», «Помпея». Для итальянских стихов характерна возвышенная интонация, особенно в стихотворениях «Джордано Бруно», «Колизей». Величайшие события истории Бунин соотносит с образами, обладающими христианской духовностью. С подобным осмыслением не только прошлого, но и современности связаны стихотворения: «В Сицилии», «Кадила́ница», а также путевая поэма «На пути из Назарета», в которой проявлен интерес Бунина к католической религии.

Впервые итальянская тема реализована в стихотворении «Джордано Бруно» (1906), а хронологически самым поздним стало стихотворение о Данте, написанное в 1947 г. В поэтическом «портрете» Джордано Бруно Бунин провозглашал бесстрашие мысли, которая раздвигала границы Вселенной, отнюдь не отрицая её Божественного начала:

*Мир — бездна бездн. И каждый атом в нем
Проникнут богом — жизнью, красотой.
Живя и умирая, мы живем
Единою, всемирною Душою*
[4, с. 270].

Бунин говорит о том, как трагична участь мыслителя, обогнавшего свое время. Но его подвиг не был бесполезен – он оставил свой след в веках, как пример многим и символ глубокой веры в свои убеждения:

*Умерший в рабский век
Бессмертием венчается в свободном.*
[4, с. 271]

Итальянские стихи Бунина удивительно разнообразны по тональности и по жанровой тематике. Следующее по времени создания стихотворение, посвящённое землетрясению на юге Италии в конце 1908 г., отличается камерностью и проникновенностью. Оно обращено к жителям городка Катании, первыми отозвавшимся на катастрофу, разразившуюся в Мессинах. Бунин высказал и надежду на возрождение жизни, и тревогу за будущее Катании, расположенной рядом с вулканом Этна, не раз угрожавшим своим извержением. В ином ключе написано послание «Венеция» (1913, первоначальное название – «В Венеции») с посвящением А.А. Карзинкину, художнику и другу поэта. Стихотворение похоже на картину, где на первом плане зритель видит тёмные тона, постепенно переходящие в светлую цветовую палитру. В этом стихотворении – любование простой жизнью в прекрасном городе, где поэт благословляет даже неприглядную прозу повседневности. Венеция у Бунина предстаёт обителью воспоминаний, при посещении которой оживают давно забытые чувства. Герой погружается в неспешную череду событий городской жизни, обыденной, неприметной, но для поэта Венеция – место манящих воспоминаний, наполняющих окружающее очарованием, здесь даже простые вещи кажутся необыкновенными и удивительными:

*Эти лодки, барки, маслянистый
Блеск воды, огнями озаренной,
А за нею низкий ряд фасадов
Как бы из слоновой грязной кости,
А над ними синий южный вечер,
Мокрый и ненастный, но налитый*

*Синевою мягкою, лиловой, –
Радостно всё это было видеть!*
[4, с. 360]

Лирический герой погружается в мир давно забытый, но на самом деле оживающий от соприкосновения с истосковавшейся по красоте душой поэта. Герой с радостью окунается в нехитрый ритм жизни города, подставляет своё лицо ласковым лучам солнца и дышит полной грудью, наслаждаясь свежестью морского ветра. Встреча с молодой венецианкой всколыхнула в душе поэта давно забытые переживания, он сожалеет о прошедших годах, но понимает, что его сердце устало от мучительных страстей и стремится к покою и безмятежности, и сознательно отказывает себе в пробуждении давно ушедших чувств:

*... Я вспомнил
Капри, Грациэллу Ламартина...
Восемь лет назад я был моложе,
Но не сердцем, нет, совсем не сердцем!*
[4, с. 361].

Поэт рисует картину яркого солнечного дня и отправляет читателя в излюбленное место всех гостей города – на площадь святого Марка, где люди забывают о всяких неприятностях, впитывая благодатное солнечное тепло и глядя на воркующих голубей. Поэт наблюдает за прохожими и, кажется, слепнет от многообразия лиц... Немолодой лирический герой понимает, что любовь не приносит безграничного счастья, только весь мир может подарить гармонию и умиротворение:

*В галерее я сидел, спросил газету, кофе
И о чем-то думал... тот, кто молод,
Знает, что он любит. Мы не знаем –
Целый мир мы любим...*
[там же].

Поэт рисует вечернюю Венецию, погружённую в «древний мрак», озаряемый огнями витрин, которые избавляют людей от страха перед ночью, заслоняют от грязи узких улочек, погружённых в темноту. Ночное плавание на гондоле по каналам Венеции

погружает в окутанный сном городской пейзаж, герой плывёт, ощущая покой спящих в своих домах, но до него доносится шум значных заведений, где веселятся подвыпившие матросы. Даже в неприглядной стороне жизни он находит очарование:

*Есть прелесть
В этой поздней, в этой чадной жизни
Пьяниц, проституток и матросов!*
[4, с. 362]

Автор размышляет об эгоизме и нечуткости молодости, когда кажется, что весь мир сосредоточен вокруг тебя и твоих чувств и эмоции других не могут глубоко затронуть твою душу:

*Молодость груба, жадна, ревнива.
Молодость не знает счастья – видеть
Слезы на ресницах Дездемоны,
Любящей другого...»*
[там же].

Лирический герой думает, что с возрастом восприятие жизни становится другим – более глубоким, что в зрелости отношение к людям приобретает другой характер – жертвенный и милосердный.

В 1916 г. был написан рассказ «Господин из Сан-Франциско», связанный с островом Капри. Поэтические произведения, близкие по времени создания, по-своему дополняли его. Они наполнены наблюдениями поэта над жизнью Италии разных эпох, размышлениями о судьбах земных цивилизаций. В 1916 г., на который пришёлся, как это было отмечено Б.К. Зайцевым, «наивысший расцвет стихов Бунина» [5, с. 21], появился цикл под названием «Двенадцать стихотворений». Из них пять – на итальянские темы, остальные связаны с темой России («Дедушка в молодости») и с путешествиями по Востоку («Аркадия», «Среди звезд»). Цикл открывает стихотворение «Цветы» (в последующем переименованное в «Капри»). Итальянская зима – с цветами на снегу – завораживающее начало стихотворения. Колорит Капри виден в каждой строке произведения, в каждой

черте пейзажа. В стихотворении Бунин рисует убежище художника на этом острове, его мастерскую. Он описывает ненастье, бушующее на Капри, раздолье стихии, когда дождь приносит с собой терпкий запах моря. После бури вновь наступает спокойствие и гармония, и лишь морской аромат напоминает о недавнем шквале. Но зима и осень миновали, пришли весенние дни, на острове стало многолюдно, и герой оставляет своё убежище, отправляясь к непознанным манящим далям. Его мастерская опустела. Это стихотворение сочетает свойства пейзажной лирики, философской элегии и мотив странничества – духовного путешествия сквозь пространство и время:

*Проносились февральские шквалы <...>
И к Сицилии, к Греции, к лилиям Божьей Земли,
К Палестине потянуло меня...
<...>И остался лишь пепел в камине
В опустевшей моей мастерской....*
[4, с. 429]

Тема странствия отражена также в стихотворениях «В Апеннинах» («Поэзия темна, в словах не вырази́ма», позже названа «В горах»), «Помпея» и «Калабрийский пастух». В каждом из этих стихотворений присутствует сквозная тема одухотворенности жизненного пути, мысль о том, что высшая цель должна присутствовать в каждой человеческой жизни. «В Апеннинах» – обращение к архаике древнехристианского времени, утверждение ценности жизни в общем клубке человеческих судеб, в неразгаданной вечности:

*Поэзия не в том, совсем не в том, что свет
Поэзией зовёт.
Она в моём наследстве.
Чем я богаче им, тем больше — я поэт.
Я говорю себе, почуяв тёмный след
Того, что пращур
Мой воспринял в древнем детстве:
Нет в мире разных душ и времени в нём нет!*
[4, с. 420]

Ф. Степун писал: «Ничто с такой силою не свидетельствует о подлинной религиозности бунинской музыки, как её связанность с

памятью <...> эта изумительная мысль с прекрасной точностью сформулирована <...> в сонете «В горах» [7, с. 16-17]. Стихотворения «Помпея» и «Калабрийский пастух» передают неповторимый местный колорит, раскрывающийся в описаниях природы. Но над темой природы довлеет излюбленная бунинская идея «Всемирности», приобщённости к вечному. Как вспоминала В.Н. Бунина, в Помпее «нас поразили очень глубокие колеи при входе в этот мёртвый город» [1, с. 134]. Бунин передал эту деталь с поразительной точностью, но в стихотворении «Помпея» город для лирического героя – лишь фон, не затрагивающий глубин его души; события и картины древности отступают на второй план безграничной жаждой жизни, присущей молодости:

*Была весна.
Как мёд в незримых сотах
Я в сердце жадно, радостно копил
Избыток сил – и только жизнь любил*
[4, с. 427].

В калабрийских реалиях поэт выделяет не сами приметы античности, а соединение настоящего с прошлым, проникновение примет старины в современную жизнь: «Сон давних дней на этой древней нови. / Поют дрозды. / Пять-шесть овец, коза. / <...> И тени облаков по выжженным бутрам...» [там же].

Бунин всегда благоговейно относился к архаике, искал приметы ушедшего времени в настоящем, подтверждая этим свою идею о неразрывности времён. Поэту дорого так высоко ценимое им у Л. Толстого «обострённое ощущение Всебытия» [1, с. 127].

Бунинское осмысление Италии характеризуется мыслью о необходимости постижения многообразных культур. В цикле рядом со стихами об Италии появляются и другие, связанные с палестинскими сюжетами. Итальянское предстает также и в диалоге с Россией. В статье «Думая о Пушкине» Бунин отмечал «соприсутствие Пушкина» в своих итальянских впечатлениях – стихотворениях «В Сицилии», «Помпея». Он писал: «А вот

другая весна, и опять счастливые, прекрасные дни, а мы странствуем по Сицилии <...>. При чём тут Пушкин? Однако я живо помню, что в какой-то связи именно с ним, с Пушкиным, написал я: «Монастыри в предгорьях глухих <...> Люблю, люблю вас, келии простые <...> И глыбы скользких пепельных камней, Загромоздивших скаты побережий, Где сквозь маслины кажется синей Вода у скал <...> И на ветру благоухает тмин!» А вот Помпея, и опять почему-то со мною он...» [2, с. 58]. Сицилия в одноимённом стихотворении предстает у Бунина древней, загадочной страной, где наследие старины сливается с самой природой, где окружающий мир пропитан запахами тмина и маслин, где синяя вода и солёный ветер. В стихотворении «Колизей» автор рисует картину ночного мира, где свет луны и шум ветра – неизменны и вечны, т. к. не созданы руками человека, а созданное ими – увя, не вечно, и безжалостное время разрушает даже самые прочные творения людей.

Новый всплеск итальянской темы приходится на 1930-е годы. Тогда написаны рассказы «Прекраснейшая солнца», «Возвращаясь в Рим», очерк «Остров сирен». В 1944 г. в лирической исповеди «Мистраль» писатель признавался: его необычайно волнуют «легендарные римские дни», «земное: сборища, походы, битвы, полевые работы, браки, рождения, смерти...», сознает своё соприсутствие в мире древности – «бесконечный пролёт в пространство тех, римских времён, кажущихся мне и моими собственными» [3, с. 551].

Бунинские произведения на итальянскую тему тесно связаны со всем миром его творчества, дополняя и обогащая заложенные в нём идеи, помогают осмыслить поэтическое мировоззрение Бунина.

Особое место занимают стихотворения библейской тематики, в которых неявно присутствуют итальянские мотивы – «Иаков», «Господь скорбящий», «Тора» и «Новый Завет». Эти четыре стихотворения были написаны в Италии – два первых на Капри, а «Тора» и «Новый Завет» – в Риме. Ни одно из стихотворений не содержит собственно

итальянских реалий, но все они проникнуты мироощущением этой страны. По утверждению Ревякиной, они «итальянские» – вернее, ренессансные, по особому колориту раскрытия библейских и новозаветной тем [6, с. 432]. Палитра стихотворения «Новый Завет» восходит не к русской иконописи, а к европейской традиции эпохи Возрождения, к реализму в изображении Мадонны с Младенцем. Все краски приглушены, неярки. Они умиротворяющие, как на лучших полотнах итальянских мастеров. Возвышенно и патетично обращается Бунин к образам Вергилия и Данте. Стихотворение «У гробницы Вергилия» – лирическая исповедь сердца. Основная мысль этого стихотворения в том, что диалог между веками возможен. И лирический герой обращается к великому поэту:

*Без границы и без края
Моря вольные края...
Верю – знал ты, умирая,
Что твоя душа – моя*
[4, с. 395].

Здесь Италия предстает не сказочной и таинственной, а вполне реальной и обыденной, но от этого не теряющей своего очарования:

*Дикий лавр, и плющ, и розы,
Дети, тряпки по дворам.
И коричневые козы
В сорных травах по буграм...*
[4, с. 395].

В 1947 г. Буниным написано стихотворение, озаглавленное по-латыни знаменитой строкой из Данте: «Nel mezzo del camin di nostra vita» («Земную жизнь пройдя до половины»). В своих воспоминаниях поэт хранил память об Италии – хранительнице памяти и исторической правды. Итальянские стихи Бунина выражали его впечатления от прекрасной страны, соединенные с раздумьями о единстве мировой культуры и непрерывной связи времён в единой цепи истории.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бабореко А. Бунин: жизнеописание. – М.: Молодая гвардия, 2004 – 211с.

2. Бунин И.А. Полн. собр. соч.: В 6 т. Т.6. – Пг.: Изд-во А.Ф. Маркса, 1915 – 520 с.
3. Бунин И.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. – М.: Моск. рабочий, 1999 – 551 с.
4. Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1965 – 596 с.
5. Зайцев Б.К. Братья-писатели. Воспоминания. – М.: Правда, 1991 – 47 с.
6. Ревякина И.А. «Итальянские строки» И.А. Бунина в забытом цикле «Двенадцать стихотворений» // Русская литература XX века: итоги и перспективы изучения: Сб. науч. тр., посвящ. 60-летию проф. В.В. Агеносова / Сост. Алексеев А.А. – М.: Сов. спорт, 2002. – С. 172 – 179.
7. Степун Ф. И.А. Бунин и русская литература // Бунин И.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1.– М., 1993 – 117 с.
8. Устами Буниных. В 2 т. Т. 1. – М.: Посев, 2005 – 470 с.
9. Franz N. Zur zeitgenossischen russisch – sowjetischen Italiendichtung // Russische Lyrik heute. Mainz, 1980 – 88 s.